

(реагенты) являются бытийно укорененными, прежде всего имеющими природные корни. В. Дialeктический синтез есть продукт синергии, согласованного действия противоположных начал, парных противоположностей. Число этих пар возрастает по мере познания изучаемого объекта. Г. Такие концепты синергетической картины мира, как неопределенность, нелинейность, неустойчивость, самоорганизация и другие, вполне согласуются, на мой взгляд, с указанными положениями философско-поэтического мировоззрения Гете и с философской антропологией Фейербаха, в частности – с тезисом: «Истинная диалектика – это диалог между Я и Ты». Тезисом, напоминая о возникновении диалектики из диалогов мыслящих людей.

Как известно, Д. В. Пивоваров нередко называл себя гегельянцем. В обоснованности этой самохарактеристики нас убеждают многие его труды, в частности [3; 4; 5]. Указанные работы в значительной степени формировали мое понимание многих проблем онтологии и теории познания: об этом свидетельствует тот факт, что Даниил Валентинович стал научным редактором моей монографии [6], предложил ее название, позитивно оценил представленный текст. Масштаб философского наследия Д. В. Пивоварова с течением времени не уменьшается, а возрастает. В работе [5] он констатирует потребность в возрождении синтетической философии, интегрирующей ответы на вечные метафизические вопросы. Особенно актуальными представляются исходные принципы симфонии [5, с. 519–521]. В качестве еще одного подхода к развитию синтетической парадигмы следует отметить классический труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», в котором действительно осуществлен синтез таких философских дисциплин, как онтология, теория познания, методология, философская антропология, этика. Наиболее перспективными выглядят оригинальная трактовка принципа детерминизма («внешнее через внутреннее»), проект этики как онтологии человеческой жизни, теория этического познания, понимание личности как субъекта жизненного пути и другие. В этом проекте реализуется единство жизни, науки, философии.

Библиографический список:

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб. : Наука 1993. 350 с.
2. Гете И. В. Избранные философские произведения. М. : Наука 1964. 519 с.
3. Любутич К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 1993. 416 с.
4. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии: Учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2003. 268 с.
5. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии: избр. статьи. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2011. 536 с.
6. Прытков В. П. Человек вопрошающий. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2006. 280 с.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер. 2003. 512 с.

Рахматуллин Р. Ю.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ Д. В. ПИВОВАРОВА

Аннотация. В статье представлены результаты исследования образных представлений, возникающих и функционирующих в сфере науки. Под образом понимается полимодальный психический феномен, находящийся в отношении изоморфизма с денотатом и переживаемый человеком в качестве объективно существующего предмета. Образы, являющиеся продуктами сознательного конструирования, называются интеллектуальными. Они выполняют в научном познании семантическую, коммуникативную, обобщающую и эвристическую функции.

Ключевые слова: образ, интеллектуальный образ, понимание, научное знание.

В 1975 г. под руководством Д. В. Пивоварова в рамках дипломной работы «Проблема идеального» нами были начаты исследования образных представлений. В 1980-х гг. под его же руководством была подготовлена кандидатская диссертация на тему «Наглядные образы научной картины мира: природа и гносеологические функции». В это же время Даниил Валентинович писал докторскую диссертацию по проблеме идеального. Мы оба были сторонниками деятельностного (операционального) подхода в исследовании мышления и образных представлений, основанного на психологической теории интериоризации и операционализме П. У. Бриджмена. Главные идеи наших исследований, а также концепция генезиса художественных образов, разработанная В. И. Жуковским, в 1988 г. были изложены в монографии «Визуальное мышление в структуре научного познания» [5]. Все мы отстаивали мнение о существовании таких образов в науке и искусстве, которые представляют собой синтез рационального и чувственного. Этой идеей он заразил меня и Жуковского, открыв нам широкий простор для творчества. С тех времен я считаю его соавтором всех своих публикаций по образам.

Образ. Интеллектуальный образ

Из многочисленных психологических и философских публикаций на эту тему следует один вывод: ни содержание, ни объем этого понятия однозначно не определены. Диапазон представлений об образе начинается от его материализации (образ как икона, фотография, рисунок) до сведения к ощущению (ощущение как субъективный образ объективного мира). Подробный анализ всех существующих точек зрения на эту проблему нами был сделан ранее [2; 3], поэтому здесь излагаются лишь результаты собственных исследований. Мы считаем, что:

А. Образ есть психический феномен, одна из психических форм существования идеального (Д. И. Дубровский).

Б. Образ находится в отношении структурного соответствия (изоморфизма) с денотатом. Этот выделяющий признак важен для отличия образа от ощущения, эмоции и других психических феноменов.

В. Образ обладает свойством интенциональности, воспринимается человеком как сам денотат, «обозначаемый объект» (Ю. М. Лотман). Это свойство важно для отличия образа от модели или теории, которые так же могут находиться в отношении изоморфизма с денотатом, однако переживаются человеком как «заместители» объекта, а не сам объект.

Г. Образ полимодален. Ранее мы отстаивали мнение о визуальном характере образа [7, с. 8]. У этой точки зрения есть сторонники. Например, З. Ф. Абрарова считает образом «форму визуального выражения информации, обладающую структурным соответствием с денотатом и переживаемой человеком в качестве реально существующего объекта» [1, с. 35]. Визуальный характер образа защищает и С. С. Аванесов [2]. Наше понимание образа только как визуального феномена изменилось после знакомства со статьей Д. И. Дубровского о восприятии, где он пишет, что «всякое восприятие внешних явлений полимодально, в том смысле, что оно всегда включает в той или иной степени чувственные отображения внутренних процессов <...>. Восприятие является результатом перцептивного синтеза, который объединяет сенсорную и иную информацию из многих источников» [4, с. 75]. Думается, что свойство полимодальности характеризует не только образы, но и такие феномены психики, как мысли и эмоции. Но в случае с образными представлениями доминирующей модальностью, по нашему мнению, является зрительная модальность, к которой могут быть присоединены звук, запах, чувство радости или печали. Например, мы можем воспроизвести фрагменты нашего отдыха на морском побережье в виде волнующегося моря, в котором к зрительному представлению присоединены звуки кричащих чаек и бьющихся об скалы волн, запах водорослей и приятное ощущение дневного бриза.

Что касается объема понятия «образ», то по происхождению следует отличать две разновидности этого феномена: А. имеющие естественное происхождение; Б. являющиеся результатом сознательного конструирования. В научном пространстве генерируются и функционируют в основном второй тип образов. Для их обозначения применяют различные термины: образы «вторичной наглядности» (В. Ф. Сетьков), «визуализированные образы» (З. Ф. Абрарова), «онтологизированные образы» (Р. Ю. Рахматуллин), «мировоззренческие образы» (Д. З. Муртаева). Поскольку понятия «онтологизированный образ» и «мировоззренческий образ» являются компонентами не только научного мировоззрения, то образные представления, сформированные в научном пространстве, лучше называть интеллектуальными образами. Как правило, они представлены в такой форме организации знания, как научная картина мира. Эти образы представляют собой выражение научных идей в чувственной форме.

Зачем науке образы?

До сих пор среди ученых и философов встречаются люди, считающие образное представление научного знания его примитивизацией, нисхождением сущности до уровня явления. Как правило, в качестве обоснования выдвигается аргумент о невозможности адекватного чувственного выражения сущности (А. П. Ланг). При этом приводятся примеры неудачных образов: геоцентрического представления Солнечной системы, геометрического изображения атомов в виде шариков, пирамид, пространства как пустоты и т.п. Но не нужно забывать, что эти образы воплощают, онтологизируют определенные идеи или теории. Если изменяется теория, то изменяется и образ. Это можно проследить на примере эволюции образа атома [3]. Причиной может быть и сложность выражения теории в образной форме, что особенно стало ощутимо в связи с возникновением квантовой физики и ее различных, противоречащих друг другу толкований со стороны известных физиков. По этому поводу есть хорошее пояснение К. Н. Любутина и Д. В. Пивоварова, которые заметили, что «если одной и той же теории соответствуют различные наглядно-чувственные модели, то мы имеем дело с разными теориями. Точнее сказать, сама система понятий разработана еще недостаточно, чтобы вызывать у различных ученых одинаковое ее преломление через их чувственный опыт» [6, с. 370]. Мы полностью согласны с этим.

Визуализация и онтологизация нами рассматривается как второй этап абстрагирования («абстрагирование абстрактного»), когда пытаются видоизменить те элементы абстрактного знания, которые сложны для понимания. Такую форму абстрагирования можно называем онтологизацией научного знания. Это особый вид абстрагирования, когда изложенную в теоретической форме сущность пытаются трансформировать, перевести на доступный для большинства язык чувственности. Тогда, если теоретическую модель

обозначить как Т, то результатом ее онтологизации будет Т+1. Поэтому научную картину мира, в которой видное место занимают образы, мы вслед за Д. В. Пивоваровым рассматриваем как более высокую форму организации знания, чем теорию. Заметим, что интерес к ней стал возрастать в XX в. в связи с математизацией научного творчества. В среде ученых все острее ощущалась потребность ответить на вопрос, что же на самом деле описывают созданные ими логико-математические конструкции, где и как их можно применить. Еще Пирс писал, что «понимание есть применение». Но для того, чтобы применять идею на практике, нужно образно представить, как это будет выглядеть в объективной реальности. Например, невозможно создать экспериментальную установку без ее предварительного образа, основанного, конечно же, на теоретическом знании. Такая схема движения научного знания полностью согласуется с синтетической парадигмой Д. В. Пивоварова, в контексте которой она приобретает следующий вид: рациональное + чувственное = интеллектуальный образ.

Потребность в образных представлениях научных идей всегда ощущалась в сфере образования. И она обострилась в связи с развитием теоретического знания, открытием невидимых объектов – элементарных частиц, ядерных полей, процессов, протекающих в недрах планет и звезд. Перед учеными-педагогами встала задача поиска средств понимания сложных теорий обучаемыми. Поэтому образы оказались важным компонентом языка науки, его семантической составляющей.

С семантической функцией интеллектуальных образов тесно связана их роль в трансляции научного знания, коммуникативная функция. Конечно, и внутринаучная, и вненаучная трансляция знания может быть осуществлена и осуществляется в больших масштабах при помощи логико-вербальных средств. Но будет ли это знание адекватно понято адресатом, в особенности, находящемся вне сферы фундаментальной науки, если даже ученые нередко не понимают друг друга? Поэтому перед ученым встает задача онтологизации абстрактного знания. Интеллектуальные образы оказались нужны и для «внутреннего употребления» в самой науке. «Кот Шредингера», образ помещенного в пространство элементарных частиц воображаемого микроскопа Гейзенберга, как известно, являются важными составными частями квантовой механики.

Еще одной функцией интеллектуальных образов является обобщающая. В отличие от логического обобщения оно осуществляется в виде генерализации и синтеза. Под генерализацией мы понимаем репрезентацию при помощи характерного представителя класса весь этот класс. Например, образ треугольника может представлять все треугольники, образ конкретной двуспиральной молекулы ДНК – все молекулы, называемые этим именем. Заметим, что это упрощает процесс понимания и трансляции научного знания.

Формой обобщения является и синтез. Особенность синтеза, осуществляемого образными средствами, заключается в том, что в них удастся соединить в одну целостность логически несоединимое. Кроме идеи, в «интеллектуальных образах» могут присутствовать и цвет, и форма, и фон. Ясно, что из определенных геометрических особенностей образа логически не вытекает, что он должен быть обязательно красным, а краснота не предполагает наличия связи массы с окружающей денотат средой.

И еще об одной – эвристической – функции, которую могут выполнять образы в научном пространстве: они несут в себе структуры, которые при проецировании на информационную среду способны привести к новым открытиям. В философии науки этот прием называется методом структурной аналогии. К примеру, этот метод привел Д. И. Менделеева к открытию периодического закона химических элементов. Он воспользовался образом цилиндра Шанкуртуа, на поверхности которого химические элементы были расположены по линии под углом 45° в последовательности нарастания их атомных весов. При этом элементы, атомные веса которых равнялось 16 или были кратными 16, размещались на одной вертикальной линии. Эта структура, соединяющая элементы в систему при помощи учета их атомных весов, помогла Менделееву создать всемирно известную классификацию химических элементов.

Библиографический список:

1. Аббарова З. Ф. Визуализированный образ в научном познании: дис. ... канд. филос. наук. Уфа. 2010. 151 с.
2. Аванесов С. С. Визуальная антропология: образ, субъект и коммуникация // Вестник Томского государственного педагогического университета / под ред. С. И. Поздеева. Томск : Изд-во ТГПУ. 2013. № 9 (137). С. 229–235.
3. Алексеев И. С. Развитие представлений о структуре атома. Философский очерк. Новосибирск : Наука. 1968. 129 с.
4. Дубровский Д. И. Восприятие как феномен субъективной реальности // Эпистемология и философия науки. Москва : Альфа-М. 2006. Т. 7. № 1. С. 83.
5. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та. 1988. 184 с.
6. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд. Урал. ун-та. 1993. 416 с.
7. Рахматуллин Р. Ю., Сафронова Л. В., Рахматуллин Т. Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. Уфа : Академия ВЭГУ. 2008. № 3 (35). С. 6–14.

Русова А. В.

ПРОБЛЕМА ДРУГОГО В ФИЛОСОФИИ П. БОЯНИЧА: ОРГАНИЧЕСКОЕ НЕПРИЯТИЕ И ТЕРАПИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению Другого в органическом контексте. Ставится проблема, в которой Другой является болезнью для организма. Основопологающей работой в данном ключе является книга П. Боянич «Насилие и мессианизм». Основанием органического понимания Другого являются работы Гегеля и Левинаса.

Ключевые слова: Другой, болезнь, аллергия, терапия, органическое понимание Другого.

Если мы говорим о коммуникации, нам важно понимать, что коммуникация выстраивается между двумя субъектами «Я» и «не-Я». Вторым субъект («не-Я») является для меня другим, абсолютно неизведанным. И таким образом, для межкультурной коммуникации является важным изучение Другого. Другой, с одной стороны, выступает как нечто позитивное, которое своей уникальностью подчеркивает мою уникальность и позволяет конституировать «Я», позволяет мне идентифицировать себя. Если речь идет о группе, то Другой в этой группе является средством сплочения, благодаря Другому члены группы начинают себя все более соотносить с идеями и принципами этой группы и идентифицировать себя с ней. Есть взгляд и иной. Другой рассматривается также как враг, инородное тело, которое вызывает во мне болезнь. Такое понимание Другого рассматривает П. Боянич в работе «Насилие и мессианизм». Понятие болезни используется для подчеркивания насилия, которое совершается в коммуникации с Другим. В данной работе рассматриваются различные аспекты, которые являются важными для понимания войны и насилия. В книге также представлен раздел, посвященный пониманию Другого «Насилие и болезни. Фигуры другого, фигура Гегеля», который является значимым при обсуждении насилия в отношении меня и Другого. Органические моменты в рассмотрении Другого Боянич находит у Гегеля, Левинаса и Розенцвейга, показывая, как отношение к Другому может быть не просто метафизическим или рациональным, а его можно понимать, как некую органическую связь человека с неким другим человеком, который видится принципиально невозможным в антропологическом горизонте личности.

Боянич указывает на органическое неприятие Другого и в связи с этим говорит об аллергии. Такой подход является новацией, который раньше концептуально в проблеме Другого не был представлен. Проблему терапии инородного в организме начал тематизировать и философски осмысливать Гегель, что привело к развитию медицинского взгляда на Другого. В упоминаниях об аллергических реакциях Боянич ссылается на Левинаса, который являясь последователем Гегеля, рассматривает Другого в органическом контексте. Соприкосновение с Другим вызывает аллергическую реакцию, отторжение этого другого моим существом. Аллергическая реакция на Другого возникает только тогда, когда «Я» непосредственно соприкасаюсь с Другим. Но если Другой – абсолютно неведомый для меня субъект, то аллергия наступает только в том случае, если я пытаюсь примерить на себя привычки, образ жизни, восприятие и поведение Другого. В случае, если вышеперечисленное чуждо для меня, если образ жизни Другого мне не свойственен, возникает отторжение и, следовательно, аллергия. Мое «Я» воспринимает Другого как инородное тело, нарушающее мою целостность. В этом случае с Другим надо бороться, необходимо искоренять болезнь. Аллергия на Другого невозможна, если он не имеет со мной общих границ, не находится в поле моего существования. «Отношение с Другим — абсолютно другим — у которого нет границы с Тем же самым, не подвержено аллергии, которая поражает То же самое в его тотальности» [1, с. 49]. В случае, когда Другой не ставит под угрозу мою целостность, не нарушает границы моего существования, он не является врагом для меня, точно так же как вирус, находящийся на соседнем континенте не является для меня болезнью.

Болезнь организма возникает, когда в нем присутствует некий неорганический элемент, который не способен ассимилироваться и стать частью моего организма. Таковым инородным элементом выступает Другой. Если Другой – это болезнь, то необходимы методы лечения, терапия этой болезни. Боянич в этом случае основывается на Гегеле, сравнивая с ним Розенцвейга и Левинаса. Гегель для терапии использует метод гомеопатии, то есть лечение болезни малыми дозами этой болезни. Гомеопатия – «это изменение парадигмы, хотя Гегелю не хватило времени придать этому понятию какой-то особый статус» [1, с. 35]. Гомеопатия не является средством, которое заменит все терапии, но и другие терапии не заменят ее. Специфика гомеопатии «заключаются во влиянии другого (или во влиянии другого человека, другого как такового, ибо здесь другой становится Другим)» [1, с. 35–36]. Сам Гегель, описывая этот метод в «Философии природы», говорит, что «возобладавшая в организме определенность преподносится ему как неорганическая, как бессамостная вещь, с которой он входит в связь; преподнесенная ему в таком виде, как нечто противостоящее здоровью,